

постями и нечистотою виѣ слана (порода) на чистомъ мѣстѣ, гдѣ выбрасывался жертвенный пепель (Лев. 11 qq. 20 q. 6, 23. 16, 27); при прочихъ жертвахъ грѣха, гдѣ кровь оставалась во дворѣ храма, мясо должно было съѣдаться священниками (только мужчинами) въ священномъ мѣстѣ. Сосуды, въ которыхъ оно варилось, должно было разбить, если они были глиняные, а если мѣдные, то, по крайней мѣрѣ, вычистить несомъ и вымыть; одежду, на которую случайно попадала кровь жертвы, пужно было вымыть въ святомъ мѣстѣ. (Лев. 6, 17—23).—Съ голубями поступали такъ: священникъ надламывалъ голову птицы отъ шеи, не огрывая ее совершенно, такъ чтобы кровь взбрызнула на стѣну жертвенника, а остальную выцѣживалъ у подножія жертвенника (Лев. 5, 8 q). Потомъ, вѣроятно какъ при всесоженіи, по отдѣленіи зоба съ его нечистотою, который бросался на пепельную кучу, вся птица сжигалась на жертвенникѣ.—Наконѣцъ изъ муки, принесенной для жертвы грѣха вмѣсто пшеницы, священникъ бралъ полную горсть и сжигалъ ее на жертвенникѣ (Лев. 5, 12), между тѣмъ какъ остальная, вѣроятно, доставалась ему.

1) О жертвѣ грѣха, состоящей изъ рыжей коровы (Числ. 19) и изъ птицъ, приносимыхъ при очищеніи людей и домовъ отъ проказы (Лев. 14, 4 qq. 49 qq.), см. подробности ниже.

2) При жертвѣ грѣха въ великій день очищенія кровь кропалась и во святомъ святыхъ, между тѣмъ какъ при посвященіи священниковъ, вѣроятно также и левитовъ, кровь кропалась только на роги жертвенника всесоженій и выливалась у подножія его, о чемъ подробности будутъ послѣ при жертвахъ освященія.

3) Исключая козла, котораго приносили въ жертву за общество въ великій день очищенія, съ кровію коего поступали точно также, какъ и съ кровію тельца, приносимаго въ этотъ же день въ жертву за первосвященника.

⁴⁾ Ср. филологическія изслѣдованія объ этихъ жертвенныхъ частяхъ у Бохарта Hieroz. lib. 2. c. 43 (Vol. 1, p. 360 sqq. ed. Rosenm.), Коур.цена dissertatt. phil. theol. Vol. II. ed. Шахта: de ablegminibus sacrificiorum Deo in altari offerri solitis, p. 139 sqq. и Бэра II, стр. 353 qq.

⁵⁾ Такъ поступали, и когда приносился теленъ въ жертву грѣха для посвященія священниковъ, по Исх. 29, 14.

II. *Жертва вины* (ascham) состояла въ баранѣ (ail) по большей части по оцѣнкѣ священника (Лев. 5, 15. 18. 25, 19, 21) или въ ягненкѣ (Лев. 14, 11 q. Числ. 6, 12). По закланіи животного на сѣверной сторонѣ жертвенника, кровь животного кропилась на жертвенникъ кругомъ; тучныя части его (тѣже, какія и при жертвѣ грѣха) сжигались на жертвенникѣ, а мясо съѣдалось священниками (только мужчинами) въ священномъ мѣстѣ (Лев. V, 1—17) ⁶⁾.

⁶⁾ Объ особенныхъ пріемахъ при жертвѣ грѣха прокаженного см. ниже.

§ 46. *Цель и значеніе жертвы примиренія вообще.*

Жертвы примиренія, т. е., жертвы грѣха и вины были приносимы, для очищенія грѣховъ, совершенныхъ по ошибкѣ (bischgagah); ср. Лев. 4, 1, гдѣ *прегрѣшеніе по ошибкѣ* стоитъ во главѣ предписаній о различныхъ жертвахъ грѣха, съ Лев. 5, 15. 18, гдѣ тоже самое выраженіе повторяется при жертвѣ вины. Также опредѣленіе встрѣчаемъ въ книгѣ Числ. 15, 27—30: *если душа согрѣшитъ по ошибкѣ она должна принести одноплотную овцу въ жертву грѣха*. Напротивъ того, душа, которая сдѣлаетъ что либо дерзкою рукою (bejad га-таh), такая душа должна быть истреблена изъ своего народа. Последнее изрѣченіе означаетъ грѣхи возстанія противъ Бога, происходящіе изъ своеволія и дерзости; напротивъ того

грѣхи *по ошибкѣ* вообще суть грѣхи слабости, не только тѣ, которые совершаются по опрометчивости, необдуманности, не намѣренно, но и тѣ, которые производятся съ умысломъ и намѣреніемъ, но по слабости духа въ борьбѣ противъ плоти ¹⁾

¹⁾ Такъ разсуждаютъ и справедливо Генгстенбергъ Ev. Kirchenz. 1852. Nr. 13. q. стр. 120 q.) и Гофманъ (Schriftbew. II, 1. стр. 158); послѣдній прибавляетъ: «возстаніе противъ закона, въ чемъ бы оно ни заключалось, должно подвергаться наказанію; за него нѣтъ никакой жертвы, потому что жертва есть плодъ благочестія и не можетъ сдѣлаться орудіемъ нечестія. Но кто впалъ въ грѣхъ, хотя умышленный, въ чемъ бы онъ ни состоялъ, и раскается въ немъ, пришедши въ себя, тотъ, хотя и долженъ удовлетворить законъ понесеніемъ наказанія, но всегда можетъ приносить и Богу жертву примиренія ради своего грѣха». Слишкомъ узко и неправильно Куртцъ (d. mos. Opfer стр. 156) опредѣляетъ это различіе: «только такіе грѣхи очищались чрезъ жертву, которые совершались по заблужденію, поспѣшности и ненамѣренно, но ни какъ не грѣхи умышленные и произвольные». Грѣхи, упоминаемые въ книгѣ Лев. 5, 1 и 21 (6, 2), именно нарушеніе клятвы, утайка заложенного, кража не могутъ считаться грѣхами *ненамѣренными* и *неумышленными*.—Совершенно ложно также мнѣніе Бэра (II, стр. 387 q.), что жертвы примиренія назначались за теократическіе грѣхи, а не за нравственные проступки въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, какъ будто нарушеніе клятвы, похищеніе ввѣреннаго кому либо чужаго имѣнія и т. п. были не нравственными проступками, а только теократическими грѣхами,—не говоря уже о томъ, что раздѣленіе Моисеева закона Бэромъ на заповѣди положительно религіозныя или богослужебныя и церемоніальныя и общенравственныя чуждо всему Ветхому Завѣту.

Чтобы правильно понять значеніе и цѣль примирительныхъ жертвъ, необходимо прежде всего установить опредѣленное закономъ различіе между жертвами грѣха и жертвами вины ²⁾. Такимъ образомъ мы должны сначала отыскать идею, служащую основаніемъ жертвамъ вины, и для этого взять во вниманіе от-

*

дѣльные случаи, въ которыхъ предписаны были и приносились этого рода жертвы ³⁾. Указано ясно три случая такого рода: посягательство на чужую собственность, на посвященное ли Іеговѣ (kodschej Iehovah, т. е. десятины, начатки плодовъ и т. п.), что принадлежало Ему и было Его собственностію (Лев. 5, 14—16), или на собственность ближняго, именно заирательство въ томъ, что кому довѣрено. или отдано на сохраненіе, или имъ похищено, утайка пайденнаго (Лев. 5, 20—26) и неуплата долга (Числ. 5, 3—8). Въ этихъ случаяхъ до приношенія жертвы вины то, что удержано или присвоено не по праву, должно было вознаградить или возратить натурою съ прибавленіемъ пятой части его стоимости. Къ этой категоріи принадлежать и случаи, означенные въ книгѣ Лев. 5, 17—19 и 19, 20—22. Хотя въ первомъ изъ этихъ мѣстъ вина обозначается какъ совершенное по невѣдѣнію преступленіе одной изъ всѣхъ заповѣдей, и хотя здѣсь нѣтъ рѣчи о какомъ либо матеріальномъ вознагражденіи; но эту вину нельзя полагать ни въ чемъ другомъ, какъ въ нарушеніи правъ завѣта, такъ какъ этотъ случай помѣщенъ безъ всякаго вступительнаго замѣчанія между двумя преступленіями, состоящими въ нарушеніи права; именно выше его упомянуто преступленіе противъ правъ Іеговы, какъ Господа завѣта, а за нимъ слѣдуетъ преступленіе, состоящее также въ похищеніи собственности, только не Іеговы, а ближняго; кромѣ того баранъ жертвы вины въ этомъ случаѣ, какъ и въ предшествующемъ, подлежитъ оцѣнкѣ. Эта оцѣнка жертвеннаго животного указываетъ на нарушеніе правъ; но такъ какъ здѣсь нѣтъ рѣчи о матеріальномъ вознагражденіи, то это значитъ, что нарушеніе было такого свойства, которое исключало возможность вознагражденія. Яснѣе посягательство на права другаго, слѣдовательно оскорбленіе права находится въ случаѣ Лев. 19, 20 г. изнасилованія чужой рабы. Здѣсь не должно было наказывать виновныхъ смертію по закону Втор. 22, 23 гг., *потому что она (раба) не*

свободна, но преступникъ долженъ былъ принести Іеговъ за свою вину въ жертву вины барана, для котораго не предписывалось никакой оцѣнки, потому что этого рода вина не способна была ни къ какому матеріальному возвращенію, но вознаграждаема была матеріально чрезъ наказаніе ⁴⁾.

Если всѣ эти случаи могутъ быть подведены подъ понятіе нарушенія правъ Іеговы или ближняго; то это понятіе не можетъ быть распространено на два еще не упомянутыхъ случая: на жертву вины прокаженнаго (Лев. 14, 12 qq.) и на жертву вины осквернивагося назорея (Числ. 6, 12). Прокаженный хотя имѣлъ на себѣ проказу, во время коей онъ долженъ былъ прекратить торжественное богочтеніе, не былъ виновнымъ, а страдагельнымъ лицомъ. По влѣдствіе своей проказы, будучи изгнанъ изъ общества, онъ лишался владѣнія и пользованія правами завѣта и долженъ былъ снова вступать въ эти права чрезъ (церковное) очищеніе посредствомъ жертвы. Для возвращенія этихъ правъ—какъ уплату за нихъ—онъ долженъ былъ принести жертву вины, которою онъ формально посвящался подобно священникамъ, влѣдствіе чего и вступалъ снова въ общество священническаго народа. Подобнымъ образомъ назорей, который во время своего обѣта печально осквернился внезапнымъ смертнымъ случаемъ, не нарушалъ ничьего права, но только этимъ оскверненіемъ, которое, какъ такое, очищалось жертвою грѣха, прерывалъ время своего обѣта, которое не должно было прерываться. Эту вину онъ долженъ былъ матеріально выкупить новымъ началомъ дней своего обѣта, и при томъ еще долженъ былъ принести ягнценка въ жертву вины, какъ плату или какъ вознагражденіе за возстановленіе прежняго состоянія посвященія.—О матеріальномъ вознагражденіи и оцѣнкѣ вины естественно не могло быть рѣчи въ обоихъ этихъ случаяхъ, потому и жертвенныя животныя здѣсь не подлежали никакой священнической оцѣнкѣ.

Изъ сказаннаго очевидно, что жертвы вины приносились

тамъ, гдѣ или заглаждалось нарушеніе права или шло дѣло о возвращеніи потерянныхъ кѣмъ-либо теократическихъ правъ. Нарушенія права касались или Іеговы, какъ Бога завѣта и теократическаго царя, когда Ему не воздавалась завѣтная повинность, по какой-либо грѣховной слабости или по ошибкѣ (*bischgaga*—Лев. 5, 15. 18), потому что всякое умышленное похищеніе того, что посвящено Іеговѣ, наказывалось смертію какъ грѣхъ возстанія (Нав. 7, 1 qq.); или во вторыхъ были посягательствами на собственность ближняго. Въ томъ и другомъ случаѣ вина была двойная: чувственно-матеріальная противъ Господа завѣта, и противъ собрата по завѣту, и сверхчувственно-нравственная противъ святости Бога. Но отсюда не слѣдуетъ, что эта двойная вина очищалась разомъ жертвою вины; напротивъ чувственно-матеріальную вину предписывалось заплатить или возвратить матеріально какъ Богу-царю, такъ и человѣку. Только гдѣ матеріальное вознагражденіе Богу-царю въ нарушеніи Его правъ было не возможно, тамъ оно символически уплачивалось только посредствомъ оцѣнки жертвеннаго животного, или если подобное нарушеніе права касалось ближнихъ, то оно выплачивалось чрезъ раскаяніе, соединенное съ штрафомъ (наказаніе Лев. 19, 20). *Жертва* вины служила только для очищенія нравственного долга, и, если долгъ этотъ допускалъ оцѣнку, возвышалась до символическаго эквивалента чрезъ оцѣнку жертвеннаго барапа. Этимъ удовлетворялось какъ теократическое право, такъ и святость Бога. Напротивъ о вознагражденіи, эквивалентъ при жертвахъ вины втораго рода, собственно не могло быть и рѣчи. Однако и онѣ принимались какъ повинность, для возвращенія полныхъ теократическихъ правъ какъ уплата за нихъ. И такъ идея *удовлетворенія* составляетъ общее основное понятіе всѣхъ жертвъ вины и этою идеею онѣ ясно и опредѣленно отличаются отъ жертвъ грѣха и стоя рядомъ съ послѣдними удерживаютъ свой самостоятельный характеръ ⁵⁾.

Жертва грѣха установлена для очищенія не только грѣховъ, но и вины, какъ это ясно выставляется въ законѣ; ср. Лев. 4, 3 (leaschmath ha'am) 13. 23. 27. 5, 2 qq. (veascham). Но, хотя каждый грѣхъ заключаетъ въ себѣ и вину, однако существенное различіе ихъ состоитъ въ томъ, грѣхъ ли какъ грѣхъ образуетъ главный моментъ при согрѣшеніи или провинность. Каждый грѣхъ какъ нарушение божественной заповѣди влечетъ за собою для человѣка предъ Богомъ долгъ, который человѣкъ долженъ выносить или терпѣть, пока не получитъ прощенія. Но нѣкоторыя нарушенія божественныхъ заповѣдей представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нарушение положительнаго права, являются въ собственномъ смыслѣ провинностями, поскольку они не только нарушаютъ нравственное отношеніе человѣка къ Богу, но вмѣстѣ съ тѣмъ оскорбляютъ гражданскія (еократическія) права, такъ что прежде чѣмъ можетъ быть рѣчь о прощеніи грѣха, должно быть принесено удовлетвореніе оскорбленному праву. Между тѣмъ, тогда какъ провинности послѣдняго рода требовали жертвы вины, за всѣ грѣха перваго рода удовлетворяли жертвы грѣха, потому что здѣсь шло дѣло только о снятіи грѣха, съ которымъ, коль скоро грѣхъ прощался, уничтожалась ео ipso и вся вина, какъ его послѣдствіе. На эту область грѣха, какъ только нравственной вины, простирались жертвы грѣха, которыя, какъ показываетъ уже самое названіе *грѣхъ* (chattah) должны были имѣть дѣло съ грѣхомъ какъ съ грѣхомъ. Здѣсь нужно разумѣть не только отдѣльные опредѣленные грѣхи ⁶⁾, за которые были предписаны частныя жертвы грѣха, но и всѣ въ теченіе опредѣленнаго періода совершенные грѣхи и оставшіеся не узпанными и не очищенными, за которые одпакожъ приносились постоянныя праздничныя жертвы грѣха. Впрочемъ опять таки нужно сказать, здѣсь разумѣлись такіе грѣхи, которые или совершались по слабости воли или при совершеніи были скрыты отъ человѣка (ne'lam Лев. 4, 13. 5, 2. 4) и только послѣ едѣ-

лались известными ему какъ грѣхи (4, 14. 23. 28. 5, 4). Заглаждать эти грѣхи есть цѣль жертвы грѣха, основная идея коей поэтому лежить въ понятіи *искупленія* ⁷⁾.

⁷⁾ Сколько ни писали и ни разсуждали объ этомъ различіи, однако до сихъ поръ не опредѣлѣнь принципъ этого различія, или по крайней мѣрѣ не вполне. Самые главные мнѣнія объ этомъ высказаны Баромъ (II, стр. 410 qq.) и Винеромъ (R. W. II, стр. 432 qq.), къ которымъ можно прибавить взглядъ Гоффмана въ *Schriftbew.* II, 1. стр. 159 qq., Ед. Ригма о жертвѣ вины (въ *d. theol. Studien u. Krit.* 1854, стр. 93 qq.) и С. В. Ринка, (тамъ же 1855, стр. 369 qq.). Взглядъ Винера, въ которомъ онъ подражаетъ Іосифу, Реланду, Бауеру и др. и который, по мнѣнію Бэра (стр. 412), весьма близокъ къ истинѣ, состоитъ въ томъ, что жертвы вины относятся къ субъективнымъ проступкамъ, а жертвы грѣха—къ объективнымъ, то есть, что жертва грѣха должна быть приносима тогда, когда проступки противъ божественнаго закона или дѣйствительно были сдѣланы человекомъ или ихъ съ достовѣрностію можно было предполагать какъ сдѣланные, напротивъ того жертва вины—тогда, когда кто либо самъ чувствовалъ себя сдѣлавшимъ что либо несправедливое, или дѣйствительно сдѣлалъ; но въ чемъ онъ не былъ убѣжденъ. Этотъ взглядъ падаетъ въ приложеніи къ жертвамъ вины для прокаженнаго (Лев. 14, 12 qq.) и назорея (Числ. 6, 12), особенно же къ случаю Лев. 19, 20 qq., гдѣ приносится жертва вины за проступокъ объективный и доподлинно известный, и Езд. 10, 19, гдѣ проступокъ священниковъ состоялъ въ томъ, что они женились на иностранкахъ.—По Куртцу (*d. Mos. Opfer* стр. 200 qq.) «жертва грѣха огноется къ тѣмъ грѣхамъ, *земная* вина которыхъ столь же мало какъ и *надземная* (нравственная) можетъ быть вознаграждена; напротивъ того жертва вины—къ тѣмъ грѣхамъ, коихъ *земная* вина можетъ быть уплачена,—такъ что здѣсь слѣдовательно рядомъ съ нравственною виною, которая *символически* уплачивается жертвою, должна быть *дѣйствительно* окуплена земная вина».—Но если это различіе между землею и надземною виною, для котораго впрочемъ не достаетъ библейскаго основанія, допускаетъ примѣненіе

къ жертвамъ вины, о которыхъ указывается въ кн. Лев. 5, 14 qq. 21 qq. Числ. 5, 5 qq., гдѣ не только предписывается матеріальное возвращеніе земной вины, но и совершается въ оцѣнкѣ барана символическое возвращеніе надземной вины, и даже къ случаямъ, названнымъ въ Лев. 19, 20 qq. и Ездр. 10, 19, гдѣ вмѣсто матеріальнаго вознагражденія выступаетъ *штрафъ*, въ первомъ случаѣ наказаніе, а во второмъ разводъ съ женами; то съ другой стороны это различіе никакимъ образомъ нейдетъ къ остальнымъ случаямъ, гдѣ законъ требуетъ жертвы вины. Если мы допустимъ даже, что *назорей* Числ. 6, 12, *осквернившійся* во время своего обѣта незанятымъ смертнымъ случаемъ, навлекалъ на себя этимъ непроизвольнымъ оскверненіемъ двойную вину: одну—нарушеннымъ имъ общимъ нравственно-символическимъ обизательствомъ сохранять чистоту предъ Богомъ, святымъ Законодателемъ; другую—нарушеніемъ своего обѣта, и если даже допустимъ, что онъ послѣднюю вину выкупалъ тѣмъ, что начиналъ сначала время обѣта; то во всякомъ случаѣ жертва вины не можетъ считаться символическимъ выкупомъ нравственной стороны проступка, потому что оскверненіе, въ какомъ онъ состоялъ, примирялось жертвою *грѣха*, предшествовавшей жертвѣ вины, а слѣдовавшая затѣмъ жертва всесоженія (ст. 11), даже фактически доказывала, «что онъ (назорей) снова вступилъ въ правильное теократическое отношеніе». Теорія Куртца не подходитъ и къ жертвѣ вины при очищеніи *прокаженнаго*. «Если и чрезъ проказу разрывались двойные узы—нравственно-теократическіе, связывавшіе прокаженнаго съ святилищемъ и Иеговою,—и физико-теократическіе, связывавшіе его съ его семействомъ, племенемъ и народомъ, и такимъ образомъ составлялась двойная вина—нравственная и земная» (стр. 324); то во всякомъ случаѣ жертва вины не можетъ быть понимаема какъ выкупъ этой двойной вины, потому что для очищенія нечистоты (т. е. нравственной вины) предписана была и здѣсь еще особенная жертва *грѣха* (Лев. 14, 19), которая не могла бы имѣть мѣста, если бы нравственная вина была очищена уже чрезъ жертву вины. Но если и эти жертвы вины осквернивагося *назорей* и *прокаженнаго*, думаютъ объяснить тѣмъ замѣчаніемъ: «что при этихъ и всѣхъ подобныхъ, спеціальныхъ, отдѣльныхъ случаяхъ

нельзя требовать околичностей, во всѣхъ подробностяхъ сходныхъ съ общими случаями» (стр. 220), и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ нужно было обращаться по необходимости къ жертвѣ, только подходящей, «потому что всякій другой видъ жертвъ еще меньше былъ приличенъ» (стр. 323); то все-таки эта теорія не соотвѣтствуетъ и общему случаю жертвы вины Лев 5, 17—19: *когда душа согрѣшаетъ и дѣлаетъ что противъ заповѣдей Іеговы, которыя не должно дѣлать, и не знаетъ этого*. Попытка подвести это прегрѣшеніе подъ разсматриваемую теорію тѣмъ, что къ словамъ: *velo jadah «и не знаетъ этого»* прибавляютъ: *hammitzvaah* заповѣди, и это незнаніе заповѣди объясняютъ какъ «*утасненіе вѣреннаго блага*, т. е. закона, даннаго израильтянамъ Іеговою для пользованія» (?) (Куртцъ стр. 212 qq.), прямо уничтожается 18 стихомъ. 18 стихъ объясняетъ слова: *и онъ не знаетъ* только выраженіемъ: *schiggatho заблужденіе*; изъ чего ясно, что слова 17 ст.: *и онъ не знаетъ* ближе всего должны быть понимаемы о незнаніи грѣховности дѣла, во время его совершенія. Это незнаніе, конечно, состоитъ въ невѣденіи соотвѣтствующаго случаю закона во время согрѣшенія. Нельзя также различіе грѣховъ, о которыхъ говорится въ двухъ мѣстахъ Лев. 4, 27 qq и 5, 17 qq. поставять въ томъ, что первые совершены *bischgaga по ошибкѣ* (Лев. 4, 27), а послѣдніе по причинѣ незнанія закона; потому что и въ послѣднемъ случаѣ (ст. 18) грѣхъ названъ *schegaga ошибка* (ср. 15 ст.), и наоборотъ въ первомъ случаѣ незнаніе о грѣховности дѣла предполагается 4, 13 (14. 23. 28) и 5. 2. 3». (Ригмъ а. а. О стр. 98 q).—Совершенно не прочно и то различіе, какое Гоффманъ (Schriftbew. II, 1, стр. 167 qq) устанавливаетъ между жертвами грѣха и жертвами вины, именно, что первыя относятся къ образу жизни, а послѣднія къ поступку; первыя имѣли цѣлію сдѣлать образъ жизни какъ бы не существовавшимъ, а послѣднія—нейтрализовать отдѣльный поступокъ. Но здѣсь не указано никакого объективнаго различія, такъ какъ всякій образъ жизни приводитъ къ поступку, и всякій поступокъ выходитъ изъ образа жизни (дѣйствованія). И дѣйствительно Гоффманъ (стр. 166) на Лев. 5, 1—13 самъ замѣчаетъ, что жертва, о которой здѣсь говорится, названная жертвою вины, «*относительно поступка под-*

лежитъ предписаніямъ о жертвѣ грѣха», то есть должна быть названа жертвою грѣха. Если бы не существовало никакого другаго различія, кромѣ того, какое можетъ дать субъективное разсматриваніе, то жертвы грѣха и жертвы вины всегда смѣшивались бы. Ближе къ истинѣ подошелъ Ед. Ригмъ а. а. О Выходя изъ того, что преступленія, которыя подлежали очищенію чрезъ жертву вины, обозначены въ Лев. 15, 14. 21 и Числ. 5, 6 какъ *ma'al vajhovah izmyna Iegovy*, напротивъ очищаемыя жертвою грѣха—какъ нарушенія *mitzvoth Iehovah*, *заповѣдей Іеговы* Лев. 4, 2. 13 и др., Ригмъ первую формулу объясняетъ о нарушеніи правъ завѣта и затѣмъ такъ опредѣляетъ ихъ различіе: «жертвы грѣха приносятся за нарушеніе постановленій завѣта и заповѣдей завѣта, жертвы вины—за нарушеніе права завѣта». Но если и можно дѣлать различіе между заповѣдями завѣта и правомъ завѣта; то нигдѣ право завѣта не противопоставляется заповѣдямъ завѣта; по крайней мѣрѣ въ предписаніяхъ о жертвѣ грѣха и жертвѣ вины Лев. 5, 17 нѣкоторые виды преступленій, требовавшихъ для своего очищенія жертвы вины, обозначены какъ дѣланіе *mitzvoth Iehovah*, *заповѣдей Іеговы*, которыхъ не должно было дѣлать, такъ что различіе жертвъ грѣха и жертвъ вины на этомъ пунктѣ не можетъ основываться. Равнымъ образомъ и изложеніе правъ Израиля Исх. 21—24 въ основѣ своей представляетъ только развитіе содержанія заповѣдей завѣта, или десятословія Исх. 20, 1—14, вслѣдствіе чего каждое нарушеніе одной изъ десяти заповѣдей есть вмѣстѣ нарушеніе права завѣта. Итакъ не можетъ быть принято и еще одно, слѣдующее различіе жертвы грѣха и вины: «жертвы вины приносятся за такія преступленія заповѣдей завѣта, которыя суть въ *тоже время* нарушенія правъ завѣта, жертвы же грѣха приносятся за тѣ нарушенія заповѣдей завѣта, при которыхъ нѣтъ нарушеній права» (сравни. *theol. Studien u. Krit.* 1853, стр. 370). Если нѣкоторые случаи, для которыхъ установлены жертвы вины, и заключаютъ въ себѣ дѣйствительно нарушенія правъ, то это понятіе не приложимо къ жертвамъ вины для очищаемаго прокаженнаго и осквернивашагося назорея. Скорѣе искомое различіе заключается въ томъ, что жертва вины приносилась, когда имѣлось въ виду удовлетвореніе за нарушеніе правъ или вознагражденіе за

возвратное полученіе потерянныхъ теократическихъ правъ, какъ это доказалъ Ринкъ а. а. О.

3) Къ этимъ случаямъ мы не можемъ относить отдѣлъ Лев. 5, 1—13, какъ дѣлаютъ это Бэръ (II, стр. 404 q. 112) и Гоффманъ (Schriftbew. II, I. стр. 165); потому что онъ составляетъ продолженіе 4 главы, гдѣ говорится о жертвахъ грѣха, какъ достаточно показали это Куртцъ (d. Mos. Opfer стр. 229 qq), Винеръ (R. W. II, стр. 431) и др., наконецъ Ринкъ (а. а. О. стр. 93 q). Отдѣльнымъ случаемъ указанное мѣсто нельзя считать и потому, «что вся часть отъ 4, 1 до 5, 13 имѣетъ только одно надписаніе въ видѣ формулы: *и говорилъ Господь съ Моисеемъ и сказалъ*—въ 4, 1. Но уже 5, 14 qq. начинающая новый отдѣлъ, повторяетъ формулу въ первый разъ послѣ 4, 1». (Куртцъ стр. 230). Можно прибавить здѣсь и то, что «гдѣ въ этомъ отдѣлѣ (въ 5, 1—13) жертва ясно обозначена по своей цѣли, тамъ она прямо называется *chattath* сравн. 6. 7. 8 и особенно ст. 9. 11. 12» (Ринкъ). Такимъ образомъ и формулу: *vehelij elh-aschamo* (ст. 6 и 7) нельзя переводить: «*пусть онъ принесетъ свою жертву вины*» но: «*пусть принесетъ какъ свою вину*»—«*за грѣхъ, которымъ онъ согрѣшилъ*» (ст. 6).

4) Къ этой категоріи принадлежитъ и прегрѣшеніе священниковъ во время Ездры, вступившихъ въ супружества съ иностранками; они должны были оставить женъ и принести жертвы вины (Ездр. 10, 9 qq). Впрочемъ эту вину нельзя съ Баромъ (II, стр. 406) присоединять къ Лев. 19, 20 qq; она была *ma'al bajhovah*, какъ упомянуты въ Лев. 3, 14 qq.

5) Потому нельзя согласится съ Баромъ (II, стр. 408 q), что «жертвы вины какъ умиловительныя жертвы далеко уступаютъ въ достоинствѣ и важности жертвамъ грѣха», что онѣ въ сравненіи съ другими тремя родами жертвъ «не представляютъ какого либо самостоятельнаго рода, но даютъ побочный видъ жертвы грѣха»,—хотя число случаевъ, требующихъ жертвы вины въ самомъ дѣлѣ было много ограниченнѣе, чѣмъ кругъ жертвъ грѣха. Съ одной стороны болѣзнь проказы и оскверненіе назорей, если и часто встрѣчались, всегда постигали только отдѣльные лица, съ другой—при

всѣхъ преступленійхъ божественныхъ заповѣдей, при которыхъ не наносился вредъ собственности Бога-царя или ближняго, гдѣ, слѣдовательно, не имѣла мѣста точка зрѣнія удовлетворенія или наказанія штрафомъ, могла быть достаточною для очищенія проступка и жертва грѣха. Поэтому естественно, что жертвы вины не могли принадлежать къ общеупотребительнымъ праздничнымъ жертвамъ.

6) Какъ думаетъ Бэръ II, стр. 387.

7) Умилостивительныя частныя жертвы такимъ образомъ основываются на Моисеевомъ законодательствѣ, и имъ въ первый разъ развиты,—хотя Гоффманъ (Schriftbew. II, стр. 157) и возражаетъ противъ этого слѣдующее: «непонятно, почему бы жертва грѣха должна была войти въ употребленіе только съ синайскимъ закономъ и для преступленій противъ его заповѣдей, какъ будто бы, съ перваго времени существованія особеннаго жертвеннаго служенія въ ней могли не нуждаться». Но какъ будто бы и во всесоженіи не заключался примиряющій моментъ!..

§ 7. Значеніе обряда умилостивительной жертвы.

1. Жертва грѣха, указывая на грѣхъ, какъ на преступленіе противъ божественной заповѣди, предполагаетъ въ тоже время сознаніе грѣха (сравн. Лев. 4, 14, *nod'a chattath*, ст. 23. 28 и 5, 5 *hoda'* или *hithvadd'a*). Оттого возложеніе рукъ получаетъ здѣсь болѣе опредѣленное значеніе *сложенія* грѣха, отъ котораго ищутъ освободиться, на жертвенное животное, которое такимъ образомъ становится грѣшнымъ (*chattath*). Въ закланіи животное предается на смерть и выноситъ ее, какъ плату за грѣхъ, вмѣсто грѣшника т. е. замѣняетъ мѣсто приносящаго жертву. Но актомъ закланія еще не заглаживается грѣхъ, такъ чтобы можно было сказать: *«невинная кровь животного проливается для защищенія и примиренія виновной крови, такъ, чтобы въ моментъ, когда жертва вливается грѣхъ, грѣшнику давалось удовлетвореніе, совершенное этою смертію»* ¹⁾. Каждый грѣшникъ заслужи-

васть смерти. Милосердіе Божіе, которое не может и не хочет уничтожить или даже только ослабить святость закона, позволяет, чтобы вмѣсто грѣшника смерть переносила замѣняющая его жертва, такъ что въ смерти жертвы грѣшникъ дѣйствительно долженъ признавать то, что онъ потерпѣлъ бы, если бы Богъ восхотѣлъ поступить съ нимъ по своему правосудію. Но ни законъ, ни даже все св. Писаніе не содержатъ ни прямого, ни косвеннаго указанія на то, чтобы жертва грѣха имѣла вполнѣ довлѣющее значеніе, чтобы чрезъ умерщвленіе жертвеннаго животнаго, обремененнаго грѣхомъ человѣческимъ, приносилась какая либо, хотя бы даже только символическая, плата за грѣхъ и чтобы именно чрезъ эту плату грѣхъ уничтожался. Умилостивляющее значеніе законъ приписываетъ только той жертвенной крови, которая кропится на жертвенникъ, потому что, чрезъ это кропленіе крови, (какъ показано выше § 43), душа человѣка, исповѣдующаго свой грѣхъ, изображаемая кровію жертвы, представляется въ общеніе или кругъ дѣйствія божественной искупляющей благодати, которая, единственно по милосердію, закрываетъ грѣхъ и даже уничтожаетъ, и такимъ образомъ оправдываетъ и освящаетъ грѣшника, принимающаго съ вѣрою въ искупленіе дарованное ему въ жертвѣ средство благодати. Такимъ образомъ изъ двухъ моментовъ жертвеннаго умилостивленія только первый, представленный чрезъ кропленіе крови, есть моментъ прощенія грѣха или оправданія.

Кропленіе крови при жертвѣ грѣха отличается отъ кропленій при всѣхъ другихъ жертвахъ закланія тѣмъ, что кровь не просто вскропляется на жертвенникъ или на его стороны кругомъ, но или намазывается на рога жертвенника всесожженія или даже вносится въ святилище и тамъ кропится на различныя мѣста и предметы и только оставшаяся кровь изливается у подножія жертвенника всесожженія. — Рога жертвенника суть не просто выдавшіеся вверхъ углы, слѣдовательно умилостивляю-

щая жертвенная кровь, чрезъ помазаніе этихъ угловъ, *не просто возносится вверхъ ближе къ Богу* ²⁾). Напротивъ какъ въ рогахъ, символъ силы и могущества, концентрируется вся сила спасенія, которою владѣетъ жертвенникъ, какъ мѣсто божественнаго благодатнаго откровенія; такъ и чрезъ кропленіе или правильнѣе чрезъ помазаніе крови на роги жертвенника душа символически переносится въ область могущественнаго и дѣятельнаго господства искупающей божественной благодати, въ которой она пуждается для очищенія своихъ грѣховъ. Нѣкоторые понимаютъ это кропленіе, какъ «*постепенно возвышающееся умилоствленіе*», и смотря по различію мѣстъ, которыя кропляются кровью жертвы грѣха, различаютъ различныя степени возвышающагося умилоствленія ³⁾; но, что этимъ не означаются различныя степени возвышающагося умилоствленія, т. е., что кропленіемъ различныхъ мѣстъ не имѣется въ виду умилоствленіе за малые, большіе и самыя большіе грѣхи,—это ясно уже изъ того, что за всѣ вообще подлежащія умилоствленію грѣхи народа или мірянъ во Израилѣ, за грѣхи какъ князи такъ и нищаго, умилоствленіе совершалось на рогахъ жертвенника всесоженія. Только въ томъ случаѣ, когда очищалось преступленіе или грѣхъ всего общества, т. е. народа и священниковъ вмѣстѣ или *помазаннаго Архіерея* (Лев. 4, 3) т. е. священниковъ со включеніемъ и первосвященника, кровь вносилась въ святилище и тамъ кропилась. Основаніе для этого различія священнодѣйствія заключается здѣсь отчасти въ различіи значенія, какое имѣли отдѣльныя части скинии или храма, отчасти въ различіи положенія, въ которомъ стояли въ еоократіи народъ и священники по отношенію къ Іеговѣ, Богу завѣта. Народъ—князь ли то или самый простой частный человѣкъ—по своему положенію подѣ закономъ не могъ вступать въ какое либо болѣе близкое отношеніе къ Іеговѣ, кромѣ того общенія, которое выражалось явленіемъ предъ Нимъ во дворѣ скинии; поэтому и за-

глаженіе грѣховъ его совершалось только на жертвенникѣ двора. Но священники, по своему призванію и освященію служить посредниками между народомъ и Іеговою, приняты въ болѣе близкое отношеніе къ Богу завѣта: они могли входить въ жилище Божіе и здѣсь наслаждаться благодатнымъ общеніемъ съ Богомъ; поэтому и заглаженіе грѣховъ какъ «помазаннаго архіерея», такъ и цѣлаго общества какъ царства *священниковъ*, совершалось въ скинии и даже на кадильномъ алтарѣ святаго, гдѣ Іегова открывался своею благодатію обществу и священству по силѣ ихъ призванія, сообщая имъ оправданіе и освященіе,—причемъ впрочемъ завѣса въ скинии не переставала изображать раздѣленіе между святымъ Богомъ и нечистыми людьми, и только разъ въ году, именно въ великій день очищенія, она поднималась, какъ пророческій прообразъ исполненія временъ, когда народъ Божій вполне будетъ примиренъ и соединенъ съ своимъ Богомъ (см. ниже § 84). Въ тѣхъ случаяхъ, когда кровь приносилась въ святилище, кропленіе было двойное,—сначала семикратное противъ внутренней завѣсы и потомъ уже простое на рога алтара кадильнаго. Если принесеніемъ крови на рога алтара душа тѣхъ, за которыхъ приносится жертва, поставляется въ общеніе съ силою дѣйствующей благодати; то предшествующее этому акту семикратное кропленіе крови «*предъ Іеговою противъ завѣсы*» (Лев. 4, 6. 17.) можетъ относиться только къ восстановленію завѣтнаго отношенія, уничтоженнаго грѣхомъ,—можетъ имѣть только значеніе приближающагося воссоединенія съ Іеговою, такъ какъ этимъ актомъ душа символически опять поставляется въ близость божественнаго благодатнаго присутствія. На такое значеніе указываетъ не только *семикратное* кропленіе крови, уже однимъ своимъ числомъ указывающее общеніе завѣта, но и то обстоятельство, что кровь кропилась не на алтарь, собственное мѣсто божественнаго благодатнаго присутствія, но только предъ Іеговою противъ завѣсы, за которою Іегова имѣлъ свой прес-